

Часть первая

АД

1

Я поймал пачку. Вскрыл упаковку, сунул сигарету в рот, она тут же загорелась сама. С наслаждением затянувшись, откинулся на выторгованный матрас.

— Ну, — сидевший на краю котла черт посмотрел на меня.

— Переживание физической радости бытия пойдет? — затыгиваясь еще, спросил я.

— Конкретнее.

— Море, солнце, Коктебель, пляж, компания, девушка любимая рядом.

— Пойдет, — кивнул черт, — только Солнце убери. Жжется.

— Как скажешь, командир, — согласился я, закрывая глаза.

Ночь, писпляж, мы с Ленкой целуемся, лежа на холодной гальке, и она не кажется нам холодной. Остальные с визгом скачут в ночном прибое. По набережной медленно едет поливалка, освещает фарами пробравшихся на закрытый пляж Дома писателей. Нас обдает холодным душем. Мы вскакиваем, хватаем одежду и бежим в сторону моря. Голос из громкоговорителя предлагает немедленно покинуть пляж. Мы с Ленкой смеемся и обнимаемся, стоя по колена в волнах...

Я открыл глаза. Черт кивнул.

— Чего хочешь? — спросил он.

— Одеяло. А то холодно у вас тут в Аду, а я голый.

Черт не усмехнулся, а меня накрыло черное, словно бездна, мягкое теплое одеяло.

— Спасибо, — кутаясь, сказал я.

— Ты, блин, думай, чего говоришь, а то отниму все на хрен.

— Прости, командир. Автоматически.

— Ладно, проехали. Чего еще у тебя?

— Эстетические переживания. Типа, встреча с прекрасным. Пойдет?

Черт пожевал губами, почесал затылок.

— Это если для начальства только. Мне без надобности.

— Алкогольное опьянение? Могу предложить варианты: водка, коньяк, виски, еще пивом напивался.

Я вопросительно смотрел на черта.

Тот, отвернувшись, разглядывал что-то вдаль. Сбросив одеяло, я встал и попытался выглянуть из котла. Не удалось. Высоко или глубоко. Было видно только, как тьму Ада прорезало нежное, перламутровое сияние.

— Все, кранты, — черт спрыгнул наружу. — Экскурсию праведников ведут. Готовься, развожу пары.

— Э, э! — я стукнул кулаком в железный бок котла. — А нельзя, типа, оборудование на профилактике, у грешника перерыв?

— Нельзя, — послышался голос черта. — Мне за неформальные отношения с грешной душой рога поотшибают, хвост вырвут, про яйца вообще молчу. Еще тебе позавидую.

— Командир! — истошно заорал я. — Придумай что-нибудь, я заплачу!

— Не ссы, как только пройдут, все отключу. В конце концов, здесь же Ад, должен же ты пострадать хоть немного.

— Блин, — выругался я, нервно затягиваясь. — Принесла любопытных нелегкая.

— Готов? — лохматая голова черта появилась над краем котла. — Врубаю.

— А-а-а-а! — возопил я и тут же замолчал. Боль была адская, вокруг бурлил кипяток. Я захлебнулся криком. И никакой надежды потерять сознание.

— А ты жаловался, что холодно. Радуйся, что вода, тебе вообще масло кипящее положено.

От боли я плохо соображал, что говорил черт. Сквозь брызги и пар заметил приближение сияния.

— Так, — разобрал я за бульканьем воды нежный ангельский голос, — кто тут у нас? Что за грех?

— По совокупности, — по-военному отрапортовал мой черт. — Общий режим.

В сиянии, окружившем котел, я разглядел праведные души, одетые во что-то белое и светящееся. На их лицах читалось сострадание.

— Суки! — заорал я. — Валите отсюда на хрен! — и попытался брызнуть на праведников кипятком. Остановленные полем ангела капли не долетели.

— Молитесь за эту нераскаявшуюся, страдающую, грешную душу, — голос ангела был сладок, луч, исходивший от его прекрасного лика, был тонок.

— Жопа, суки! Валите на хрен! — отчаянно колотя руками по поверхности кипевшей воды, кричал я.

Ангел улыбнулся мне печально и одновременно ободряюще. Крылом обвел экскурсантов.

— Все оне будут молить Господа о спасении твоём.

Казалось, кипяток выжигает глаза, я зажмурился и нырнул, чтобы не видеть этого паскудства. Когда, отплеываясь, вынырнул, экскурсия уходила. Вода вокруг продолжала кипеть, но температура стремительно падала.

— Ой, блин, пипец какой, — устало выдохнул я, раскинув руки и ноги, и, расслабившись, замер на поверхности своего бассейна. Вода стала градусов тридцать. Таиланд, блин.

— А ты как думал? — послышался голос черта. — Это Ад, сынок. Хули грешить так было?

«Ну да, ты мне еще проповедь прочитай о праведной и здоровой жизни», — зло подумал я.

— Я отойду, у меня и другие грешники есть. А ты отдохни пока, повспоминай, что еще предложить можешь, — черт вилами аккуратно отпихнул меня от края котла. — Смотри не вывались, а то вообще пипец будет. На нейтринно разлетишься. Сам Господь Бог не соберет. Здесь физичность другая, не человеческой души. Вы только в котлах сидеть можете. Да и мне пистон будь здоров вставят за порчу материала.

Черт ушел, я подгреб к краю, выглянул наружу. Вокруг стояла адская тьма, которую изредка прорезали всполохи

адского пламени. В их мрачных отсветах становились видны уходившие в бесконечность ровные ряды адских котлов. Иногда над котлами проносились крылатые тени Ангелов ада, высших демонов.

«Вот суки, — подумал я, — тоже на нас, грешных, кормятся».

После смерти в Ад я попадал неоднократно и всегда радовался царившей здесь коррупции. За взятки памятью о пережитых в жизни чувствах старому опытному грешнику удавалось устроиться вполне комфортно. Относительно, конечно, но по крайней мере особых мучений не испытывать.

Понятно, что подобные отношения между инферналом и грешниками незаконны, строго-настрого запрещены и грозят обеим сторонам крайне серьезными неприятностями. Хотя о каких неприятностях можно говорить здесь?

Однако «спрос рождает предложение», и «как внизу, так и наверху» соответственно поток чувств устремляется от мучимых в Аду грешных душ к чертям и дальше через демонов в самые глубокие глубины Ада.

Конечно, кого-то ловят, кого-то наказывают, но искоренить подобную коррупционную практику, естественно, невозможно. И пирамида всеобщего взяточничества процветает в Аду, словно в ГАИ.

Перевернувшись на спину, я закинул руки за голову. Неподвижно замер на поверхности воды.

«Ну что же, не так уж плохо я устроился на этот раз, — подумал я, лениво наблюдая за пляской демонов в адском небе. — Надеюсь, экскурсии сюда водят не слишком часто».

Одна из теней стремительно спикировала ко мне.

— Блин, накаркал, — прошептал я.

Раскинув крылья, демон опустился на край котла. Я поспешно отплыл на середину.

Демон молча демоническим взором смотрел на меня демоническими очами. Потом он крылом попробовал воду, стянул капли.

— Курорт, — показал демон клыки.

Я нервно улыбнулся в ответ.

— Грешник дал взятку, черт взял — оба попались. Черт уже отстранен, начато расследование, а грешнику светят глубины Ада, — демонической улыбкой улыбнулся он.

Температура воды начала расти, или это мне стало жарко от страха?

— Чем заплатил за свой Таиланд? — демон смотрел без улыбки.

— Да так, просто про Коктебель вспомнил, тоже вода ведь. А черту показалось, что взятка. Случайно получилось, — испуганно залепетал я.

— Случайно? — переспросил демон.

Вода явно стала горячеей.

— Ну вспомни и мне тоже что-нибудь, случайно.

Вода сделалась еще горячеей, повалил пар, но терпеть было можно.

— Любовные переживания, пятнадцать лет, два портфеля в одной руке, первый поцелуй у подъезда ее дома? — почти закричал я.

Демон кивнул.

Я погрузился в воспоминания. Стало больно. Открыл глаза, взглянул на демона, увидел, как он прожевывает мои переживания. Поморщился. С чертями, с ними проще. Они и сами попроще.

— Такая фигня у всех имеется. Неинтересно. Мысли оригинальнее.

«Ой!» — подумал я.

Длиннющая очередь в Пушкинский музей. Стояли ночь, хорошо, что лето. Дежурили по два часа, сидели на принесенном из дома стуле.

Помню, как я был поражен удивительно красивым, каким-то оливковым цветом картины. Никакие репродукции его не передавали. Мишка взял с собой бинокль, до картины было далеко. Я не воспользовался. Зачем какой-то посредник между мной и волшебным взглядом Моны Лизы?

Много лет спустя я снова встретился с ним в Лувре. Взгляд не изменился, естественно...

Вода закипела.

— Возможно, у вас есть конкретные пожелания? — заорал я.

— Можем остаться в области эстетических переживаний, — кивнул демон.

— Как скажете! — перекрикнул бульканье я.

— Черный квадрат, — назвал демон.

— Философия. Не искусство. Эстетики ноль. А-а-а-а-а!

— Дали.

Я сумел вспомнить восторг первого знакомства на лекциях в Пушкинском, лет в двенадцать. Полученный на день рождения толстенный альбом, кажется, в цене вожде-ленных джинсов или магнитофона. Годы увлечения сюрреализмом и последовавшее разочарование в нем.

Когда открыл глаза, демона не было, температура снова стала вполне комфортной.

«О боже! — подумал я. — Вот попался эстет — извращенец, блин. Обычные воспоминания не катят... Так и правда свариться можно».

Вернулся черт. Я с удивлением посмотрел на него.

— Мне сказали, тебя отстранили за взятки типа. Следствие и все такое.

— Ерунда, — отмахнулся он. — А вот тебя переводят на второй круг, но зато на свободное поселение, — с уважением объявил черт. — Больше никаких котлов, в доме будешь жить, — он выразительно поднял указательный палец, — как человек. Вылезай.

— Здесь есть свободное поселение? — я был поражен. — А что это такое?

— Узнаешь. Вылезай.

— Как же? Ты же сказал, что на нейтринно разлечусь? — удивился я.

— Не разлетишься уже, тебя трансформировали. Подогнали твою физику под нашу действительность, — черт ухмыльнулся. — Вылазь, вылазь.

«Ну ни хрена себе, — подумал я. — Так что же, я теперь не раб божий, а кто? Вольноотпущенник?»

Я выбрался из котла, проигнорировав лестницу, спрыгнул вниз. Оглядел себя.

— А одежду какую-нибудь?

— Не положено. Это наверху одежды светлые, — черт флегматично сплюнул под ноги. — Пошли, тут недалеко.

Идти босиком оказалось мучительно. Земля, или что тут у них в Аду, была усыпана острыми камнями и какими-то колючками.

— Блин! — вскрикивал я через каждые пару шагов, оставившись и, задирая то одну, то другую ногу, вытаскивал из подошвы шипы терниев.

— Давай, шевелись, — подгонял меня черт, размеренно шагая впереди. — Не на Голгофу идешь.

Хромая и чертыхаясь, я медленно семенил за ним в адской тьме. Лишь отблеск адских зарниц, игравших на поверхности рогов черта, словно горящие огни стопов идущего впереди автомобиля, позволял мне следовать за ним в темноте. Время стояло, шли только мы. Кажется, ноги я стер в кровь. Сколько длилось наше путешествие, определению не поддавалось. Могло пройти и несколько минут, и несколько лет. Я уже думал, что разлететься на нейтрино был бы не самый худший выход. Наконец черт остановился, я врезался в его мохнатую спину. Пахнуло серой, псиной и чем-то горелым.

— Пришли, — сказал он.

Я без сил повалился на землю. Стопы мои горели, подошвы были мокры.

— Блин, это же кровь, — воскликнул я, понюхав и облизав испачканные пальцы. — У меня все ноги в крови, — пожаловался я черту.

— Не ссы, — равнодушно заметил он, — здесь у вас все быстро заживает. — Давай, вспомни мне что-нибудь напоследок.

Я со злорадством подумал о том, как мне в детстве удаляли без анестезии гланды. Суки! Переживание, с которым не слишком жалко было расстаться.

Черт вздрогнул, потер себя лапой по груди.

— О! Класс какой! — пробормотал он. — Ну давай, грешник, ступай.

— Куда? Не вижу же ни хрена, — возмутился я.

— Не видишь, а туда же, на поселение, — фыркнул черт. — Смотри, блин! — и он со всего маха наподдал мне по заднице. Я покатился по камням.

Выругался, вставая на четвереньки. И тут я увидел.

Тьмы больше не было. Сверху, с низкого, покрытого черными тучами неба, сеялся сероватый свет. Прямо передо мной в низине, окруженной горами, лежал обнесенный стеной город.

«Что-то у них тут средние века до сих пор, — подумал я. — Отстают ребята».

Я поднялся на измученные ноги и, не оглянувшись, поковылял вниз по каменистой тропе.

Тропинка уперлась в здоровые ржавые ворота, словно в заброшенном железнодорожном депо. Я долбанул кулаком по створке. Железо гроыхнуло, ворота заскрипели, между створками появилась щель.

«Не заперто, однако», — удивился я. Обеими руками надавил на створку, снова заскрипело, и щель увеличилась.

— Добро пожаловать, — приветствовал сам себя и протиснулся в ворота.

Город не был средневековым, он был древневековым. Каменные лачуги без окон, вот из чего он состоял. И лачуг было много, они образовывали перепутанную паутину узких улочек.

Здания, если можно так назвать эти строения, напоминали собачью конуру, сложенную из четырех поставленных на попа каменных плит. Пятая плита перекрывала сооружение сверху, формируя плоскую крышу. Правда, конура получалась для довольно большой собаки.

— Это же дольмены! — я был поражен.

В передней стене дольмены имели круглые входы. Одни из них гостеприимно зияли темнотой, другие были заткнуты каменными пробками.

Таких неолитических сооружений полно разбросано по миру. Однажды в молодости я чуть не попал в экспедицию на Кавказ по изучению этих мегалитов. Собирался, но потом одумался и уехал в Адлер, к морю, как нормальный человек.

Так что же, Кавказ — филиал Ада?

Сунув голову в ближайший, я закричал:

— Эй! Хоббиты, есть кто живой?

Мне не ответили. Когда глаза немного привыкли к полумраку, я различил фигуру человека, сидящего в углу.

— Эй, — окликнул его я, — вы живы?

Молчание.

Согнувшись, я залез внутрь.

— Черт, фонарик надо было просить, — пробормотал под нос. — Что ж у них темнотища такая в этом долбаном Аду.

— Новенький? — человек пошевелился.

Я кивнул.

— Сигареты есть?

Я рефлекторно хлопнул себя по бокам, раздался звонкий шлепок по голым бедрам, но рука вдруг ощутила картонную коробку.

— О! — удивленно воскликнул я. — Есть!

Открыв пачку, протянул сигарету человеку, взял себе. Сел рядом. Сигареты загорелись, в красном свете их огоньков я разглядел лицо обитателя дольмена. Седые космы, седая борода, голая худая грудь, изможденное лицо, полуприкрытые глаза. «Да, не курорт», — подумал я.

Старик курил молча.

— Давно здесь? — прервал я молчание. Старик пыхнул сигаретой, закашлялся, не ответил.

Глаза привыкли к полутьме совсем, и я с любопытством оглядел помещение. Оно оказалось пустым. Совершенно. Ни плоски, ни ложки, ни соломки, ни рогожки. Пощупал пол, вроде земляной, согнул ногу, посмотрел на подошву. Грязная, конечно, но не болит. Действительно, заживает быстро.

Я подвинулся ближе к стене, привалился спиной к холодному камню.

«Эх, черт, где мое купленное одеяло?» — подумал было я, и меня тут же накрыло черной мягкой материей.

— О! Блин! *Omnia mea mecum porto!* — восхитился я.

— Дориана Грея читал? — вдруг спросил старик хриплым голосом.

— Ну? — кивнул я.

— Здесь такая же хрень. Шагреневая кожа. Жизнь твоя — шагреневая кожа. Платишь воспоминаниями за подачки их. Они жрут, а потом, когда не помнишь уже ничего — выкидывают в воплощение.

— Дерьма-то, — усмехнулся я, затягиваясь. — В воплощении все равно ни хрена не помнишь. Так, туман какой-то.

Старик пожал плечами и замолчал. Я закутался в одеяло, пригрелся, закрыл глаза. Некоторое время сидели молча.

— Еще сигарету дашь?

Я протянул пачку. Старик вынул две, вопросительно на меня взглянул. Я кивнул. Он сунул одну в рот, другую за ухо.

— Всю память высосут, даже тумана от этой жизни не останется, — сказал он и закашлялся.

— Да и хер с ней, с жизнью этой, — зло ответил я. — Тут и помнить нечего.

Старик зашелся длинным приступом кашля. Я высунул руку из одеяла и постучал его по спине. Он перестал кашлять, помолчал, потом спросил:

— Что отдал за поселение?

Теперь плечами пожал я.

— Не помню уже. Кажется, что-то про первую любовь.

— Не жалко?

— Жалко, конечно, но не вариться же в кипятке.

Сигарета кончилась, я вдавил фильтр в пол.

— Конуру любую свободную можно занимать? Или надо искать с табличкой, где красиво написано мое имя?

— Имя — единственное, что я еще помню, — задумчиво сказал старик.

— А как вас зовут? — вежливо поинтересовался я.

— Александр.

— Андрей, — я представился. Помолчали. Старик ловким щелчком отправил окурочек в круглую дыру входа. Я шарил по полу в поиске своего. Нашел, тоже выбросил наружу.

— Одеяло оставить? — предложил я.

— Сигарет оставь.

Я протянул пачку.

— Забирайте все, бросать буду.

Александр усмехнулся.

— Спасибо за сигареты. Любая свободная дырка — твоя.

Они все одинаковые.

Я поднялся, скомкал одеяло, сунул под мышку.

— До свидания, Александр, приятно было познакомиться, — выдал я вежливую фразу.

Старик лениво махнул рукой.

Выходя, я споткнулся о здоровый круглый камень у входа. Потер ушибленную ногу, оглянулся. Старик смотрел на меня.

Мне захотелось почувствовать себя в Аду фрондером.

— Нет, — твердо сказал я, — одеяло я все же вам оставлю.

— Спасибо, Андрей. Ни одно доброе дело не останется безнаказанным, — засмеялся мне вслед Александр.

2

Голый я брел по узкой улочке между дольменами. Я хотел добраться до центра поселения, мне было интересно, есть ли там что-то отличное от рядовой застройки. Администрация или капище, или скульптура главного дьявола, или еще что-то подобное. Изредка мне попадались такие же голые люди. Мужчины и женщины безразличными взглядами скользили по мне. Все были в возрасте. Я чувствовал себя на унылом нудистском пляже в Утрише. Молодых, симпатичных девушек не было. «Или не попадают в Ад, или тупо сидят по котлам», — думал я.

Спросил у первого попавшегося мне мужчины интеллигентного вида про центр.

Тот, коснувшись полей воображаемой шляпы, ответил, что предпочитает спальные районы и в центре не бывал. Вежливо простившись, он проследовал дальше.

Потом встретилась женщина. Я посмотрел на отвислые груди, толстый живот, целлюлитные бедра и, задрвав голову к грозовому небу, молча прошел мимо.